

Izabela Kowalska-Paszt
Uniwersytet Szczeciński

ЭМИГРАНТОЛОГИЯ.
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ВКЛАД
ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКИ

У термина «славянская эмигрантология», предложенного профессором Ягеллонского университета Люцианом Суханком в 1998 году на Международном конгрессе славистов в Кракове¹, две концептуально важных научных функции, которые можно условно определить как систематизирующую и моделирующую. Их выявление — основная цель данной статьи, а ее базовым материалом является история исследовательской саморефлексии трех волн русской эмиграции, а также презентация научного опыта эмигрантологии, наработанного польской русистикой.

Эмиграция как вынужденный акт оставления родной страны вписана в историю человечества. Такова была участь и древних иудеев, и греков, и римлян. Политические события XIX века породили т.н. Великую польскую, а также куда менее масштабную русскую эмиграцию. Но в XX веке, в результате невиданного разгула двух тоталитаризмов, эмиграция достигла чрезвычайных размеров. По разным причинам — из-за преследований со стороны властей, военных действий, в поисках свободы, в том числе и творческой, — представители многих, если не всех, славянских народов вынуждены были искать убежище в других странах, на других континентах. Беженцы и выдворенные властями своих стран строили жизнь заново на новом месте. Эмигранты, осознавая ущербность, нестабильность своего положения, организовывали общественно-культурные институты: духовные и научные центры, школы, прессу, издательства, благотворительные учреждения, которые активно способствовали сохранению находящихся под угрозой деваль-

¹ См.: L. Suchanek: *Słowiańska emigrantologia*. В кн.: *Współczesne literaturoznawstwo sławistyczne*. Ред. Л. Суханек. Kraków: Polska Akademia Umiejętności. Prace Komisji Kultury Słowian 2004, с. 73–88.

вазии ценностей — языка, религии, культуры, чувства национальной и гражданской принадлежности. Из эмигрантской среды вышли первые исследователи культуры и литературы в изгнании. Немаловажную роль для изучения литературного достояния очередных волн русской эмиграции сыграла бывшая, что неоднократно подчеркивалось, на довольно высоком уровне литературная критика². В Берлине — первом центре русского зарубежья — в 1920-е годы, в условиях специфичной «открытости» на метрополию начала складываться литературная критика в эмиграции. Вера Сорокина, занимающаяся вопросами берлинской эмиграции³, резонно замечает, что формировавшаяся в столице Веймарской республики критика была естественным образом связана с дореволюционной традицией. Одним из главных ее аниматоров был Юлий Айхенвальд, который до 1928 года редактировал литературно-критический отдел в ежедневной газете «Руть». Как отмечает Сорокина, основную задачу эмиграции Айхенвальд усматривал в сохранении и совершенствовании традиции, поэтому способствовал популяризации творчества писателей-эмигрантов Ивана Бунина, Бориса Зайцева, Александра Куприна, Ивана Шмелева; среди молодых литераторов, способных, по его мнению, заполнить пробелы между высокой классикой и современностью, выделял Марка Алданова, Гайто Газданова, Нину Берберову, Владимира Набокова⁴. В других центрах русской эмиграции — Париже, Праге, Варшаве — в условиях невозможности вести открытый диалог с метрополией возросла роль литературной критики в процессе самопознания как идейных, так и эстетических сторон литературы в изгнании. В контексте темы статьи основное внимание следует уделить не одному из высочайших достоинств критики, которое, по определению яркого деятеля русского зарубежья Юрия Иваска⁵, состояло в творческом комментарии к старой литера-

² *Критика русского зарубежья*. в 2-х тт. Сост., прим., преамбулы О. Коростелева, Н. Мельникова. Москва: Олимп и АСТ 2002; *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов*. Ред. Т.Г. Петрова. Москва: ИНИОН 2005; В.В. Сорокина: *Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века*. Москва: Издательство Московского университета 2010; О.А. Коростелев: *От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья*. Санкт-Петербург: Изд-во им. Н.И. Новикова: Галина скрипсит 2013.

³ См.: С. Кормилов: В.В. Сорокина. *Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века*. «Знамя» 2011, № 6 <<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/6/ko22.html>> (10.11.2014).

⁴ В.В. Сорокина: *Формирование литературной критики русского зарубежья: берлинский период. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*, с. 25 <<http://vak.ed.gov.ru>> (10.11.2014).

⁵ Д. Бобышев: *Столетие*. «Новый журнал» 2007, № 248 <<http://magazines.russ.ru/nj/2007/248/bo.html>> (10.11.2014).

туре⁶, а отношению критики к тогдашнему литературному процессу. Сложившийся в эмиграции тип критики эссеистической, философской, импрессионистической (так ее определяют Олег Коростелев и Вера Сорокина) вырос из пережитого, расшатывающего основы быта, исторического переворота и стремления понять случившееся. Такой ракурс внушал общее ощущение кризиса и в сфере литературы. Но стараниям и трудам проницательных критиков того времени сегодня мы обязаны интересными, важными умозаключениями о положении и духовно-эстетической ценности «старой» и «молодой»⁷ эмигрантской литератур. Критики усматривали опасность в оторванности начинающих литераторов от родной культурной почвы, в неорганичности их переживаний в чужеродной среде. Подводя итоги дискуссии о возможности создания настоящей эмигрантской литературы⁸, в которой приняли участие Владислав Ходасевич, Георгий Адамович, Марк Слоним, Зинаида Гиппиус, Альфред Бем, обозреватель «Современных записок» Михаил Цетлин в 32-м номере журнала за 1927 год, с некоторыми оговорками, но все же оптимистично утверждал:

Да, условия трудны, но талант людской гибок и вынослив, как то вьющееся растение — татарник, о котором так хорошо пишет в «Хаджи-Мурате» Лев Толстой. Талант использует все возможности, самые скудные, встретит все препятствия, самые жестокие, — и победит⁹.

И подсказывал темы достойные новой литературы:

[...] я вижу ясно и верю, что она еще будет использована, один роман ждет своего воплощения. Его заглавием или эпитафией к нему я бы взял слова молитвы «хлеб наш насущный даждь нам днесь»¹⁰.

⁶ *Критика русского зарубежья...*, т. 1, с. 3.

⁷ Цетлин определил ее как достойную смену старшему поколению писателей-беллетристов. М.О. Цетлин: *Эмигрантское*. В кн.: *Критика русского зарубежья...*, т. 1, с. 207.

⁸ Это пример одной из многих критико-литературных полемика в среде эмиграции. Споры велись, в частности, о художественном языке, романе, современной прозе и поэзии (см.: С.Р. Федякин: *Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья*. В кн.: *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов...*, с. 8–32.

⁹ М.О. Цетлин: *Эмигрантское...*, с. 211.

¹⁰ Там же. Совет Цетлина был услышан. Свидетельство тому можно найти как в романах 1930-х годов Нины Берберовой *Последние и первые: Роман из эмигрантской жизни*, *Повелительница*, *Без заката*, так и в более поздней автобиографической прозе — *Курсив мой* (русск. изд. 1972), в *Ночных дорогах* Газданова (1939–1940) и в набокском *Пнине*.

Этот «трудный» спор, как мы знаем, не был окончен. Возобновил его Газданов в 1936 году на страницах все тех же «Современных записок»¹¹.

До Второй мировой войны, события которой завершают (конечно, условно) историю первой волны русской эмиграции, важным информативным источником знаний о литературе выходцев стал *Якорь* — первая и единственная на тот момент антология поэзии русского зарубежья (составители: Г.В. Адамович и М.Л. Кантор, 1936), в которую вошли произведения 77 авторов (в 2005 году эта антология была переиздана издательством «Алетейя»¹²).

Следующим этапом, важным в контексте интенсивности литературоведческих работ, являются 1950-е годы. Вышедшие в то время работы во многом отражали наследие довоенного опыта самопознания. Литературно-критическая детальность Глеба Струве, сотрудничавшего в 1920–1930-е годы с «Русской мыслью», «Возрождением», «Россией», «Россией и славянством» (издателем последних был его отец, Петр Струве), легла в основу вышедшей в 1956 году первой фундаментальной монографии о русской зарубежной литературе¹³. Среди достоинств этого исследовательского труда принято называть комплексный характер, «широкий, панорамный охват литературного процесса»¹⁴ с учетом литературной публицистики и критики, философской и мемуарной прозы¹⁵. Из зарубежной литературно-критической почвы «вырастали» монографии, посвященные творчеству эмигрантов: Ивана Ильина — *О тьме и просветлении. Книга художественной критики* (1959), где представлены Бунин, Ремизов, Шмелев; Георгия Адамовича — *Одиночество и свобода* (1955), в которой собраны его статьи и очерки о выдающихся представителях зарубежья, опубликованные в 1931–1953 годах. Не менее важна подготовленная Юрием

¹¹ С.Р. Федякин: *Полемика о молодом поколении в контексте литературы Русского Зарубежья*. В кн.: *Русское Зарубежье: приглашение к диалогу. Сборник научных трудов*. Отв. ред. Л.В. Сыроватко. Калининград: Издательство Калининградского государственного университета 2004, с. 19–28.

¹² *Якорь. Антология русской зарубежной поэзии*. Сост. Г. В. Адамович, М. Л. Кантор; Ред. О. Коростелев, Л. Магаротт, А. Устинов. Санкт Петербург: Алетейя 2005.

¹³ К.Ю. Лаппо-Данилевский: *Глеб Струве — историк литературы*. В кн.: Г. Струве: *Русская литература в изгнании. Издание третье, исправленное и дополненное*; Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский: *Краткий библиографический словарь русского зарубежья*. Общая редакция В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Составление и вступительная статья К.Ю. Лаппо-Данилевский. Москва–Париж: YMCA-Press, «Русский путь» 1996, с. 13.

¹⁴ С. Ларин: *Групповой портрет в переплете*. «Новый Мир» 1997, № 11 <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/11/larin.html> (11.11.2014).

¹⁵ L. Suchanek: *Ślowiańska emigrantologia...*, s. 76.

Иваском и опубликованная в 1953 году в издательстве имени Чехова антология эмигрантской поэзии *На Западе*, в которую вошли также тексты представителей второй волны — Николая Марченко (печатался под псевдонимом «Николай Моршен»¹⁶), Владимира Маркова, Дмитрия Кленовского (наст. фам. Крачковский), Ивана Елагина.

В 1970-е годы заметные исследования появляются в США, где после Второй мировой войны возник сильный эмигрантский центр. К важнейшим из них относится сборник под редакцией Николая Полторацкого *Русская литература в эмиграции* (1972), дающий общий обзор и подводящий итоги «пятидесятилетнему существованию русской литературы, литературоведения и критики в эмиграции»¹⁷. Не менее важен 2-томный библиографоведческий труд справочного характера¹⁸ эмигрантки Людмилы Фостер (ур. Колесниковой). На ценность источниковедческих исследований и потребность в них указывал еще Струве¹⁹, отмечая, что единственной компетентной попыткой создания работы такого рода был вышедший в довоенной Праге двухтомник *Русская зарубежная книга*²⁰.

Унаследованный от русской культурной традиции литературоцентризм эмиграции²¹, во многом определил и ее научные интересы. Но другие сферы эмигрантской культуры, в том числе столь плодотворная философско-богословская мысль русского зарубежья 1-ой половины XX века, были описаны, как замечает Михаил Эпштейн, в трудах Николая Лосского, Василия Зеньковского, Николая Бердяева, Семена Франка, которые в 1940–1950-е годы подводили «итог той мыслительной эпохи, которой сами они были зачинателями и выразителями»²². А в середине 70-х годов факультет славянских языков и литературы Питтсбургского университета издал (стараниями и под редакцией Полторацкого) сборник статей *Русская религиозно-философская мысль*

¹⁶ О. Раевская-Хьюз: *О Николае Моршине и его поэзии*. «Новый Журнал» 2011, № 264 <<http://magazines.russ.ru/nj/2011/264/ra17.html>> (11.11.2014).

¹⁷ *Русская литература в эмиграции. Сборник статей*. Ред. Н. Полторацкий. Питтсбург: Питтсбургский университет 1972, с. V.

¹⁸ Л. Фостер: *Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968*. В 2-х томах. Бостон: G.K. Hall & Co 1970, т. 1. А-К, т. 2. Л-Я.

¹⁹ Г. Струве: *Русская литература в изгнании...*, с. 23.

²⁰ *Русская зарубежная книга*. Ч.1; 2. Труды Комитета русской книги. Прага 1924.

²¹ Т.Г. Петрова: *Литературная критика эмиграции о писателях XIX века (Пушкин, Лермонтов, Чехов)*. В кн.: той же: *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов...*, с. 33.

²² М. Эпштейн: *Третье философское пробуждение (1960–1980-е)*. «Континент» 2004, № 122 <<http://magazines.russ.ru/continent/2004/122/epsht21.html>> (10.01.2015); А.И. Резниченко: *О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores*. Москва: Издательский дом РЕГНУМ 2012.

XX века, в котором следует отметить работы о. Александра Шмемана о русском зарубежном богословии, Веры Пирожковой о русских философско-изгнанниках в Германии, Жан-Клода Маркадэ о влиянии работ Бердяева и Шестова на французскую мысль первой половины XX века, а также статьи, посвященные отдельным мыслителям. Ресурс русской эмигрантской философии с ее актуальными гуманитарной и религиозной проблематикой был замечен и осмыслен. Подобным образом происходило осмысление исторической и политической мысли зарубежья, истории его отдельных центров²³, роли ученых и организаций²⁴. Хотя, надо отметить, что многогранность и сложность того явления, каким была первая волна русской эмиграции, и отсутствие временной дистанции не могло располагать к полному и сугубо объективному научному представлению. С другой стороны, в процессе исследовательского самопознания были определены несколько проблемных полей:

1) восприятие пространства/территории как важного общественного конструкта, создающего культурные явления²⁵: само зарубежье, Берлин, Прага, Париж (упущен из виду Константинополь, недооценены Харбин, Шанхай, центры в США);

2) специфика предмета исследования (как носителя определенных ценностей), существенность его практики и вытекающая из нее потребность во внутреннем и внешнем (по отношению к предмету) интердисциплинарном изучении (литературоведение, историография, культурология, история философии, социология, библиографоведение, книговедение и др.). Надо заметить, что на тогдашнем этапе выражена она была, в основном, имплицитно;

3) осознание культурной изоляции русской эмиграции в обоих ее аспектах — отлучения от метрополии и не востребоваваемости западной культурой. Предпринимались попытки воссоединения с утраченной родиной, в чем немаловажную роль сыграла литературная критика, а также попытки (довольно скромные) вписать собственные достижения в европейский и мировой контекст;

²³ См.: П.Е. Ковалевский: *Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)*. Париж 1971; П.Е. Ковалевский: *Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск*. Париж: Librairie des cinq Continents 1973; М. Раев: *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939*. Пер. А. Рагобыльская; предисл. О. Казнина. Москва: Издательство Прогресс-Академия 1994.

²⁴ М. Новиков: *Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей*. Прага: Русский свободный университет 1935.

²⁵ Е. Rybicka: *Zwrot topograficzny w badaniach literackich. Od polityki przestrzeni do polityki miejsca*. В кн.: *Kulturowa teoria literatury. 2. Poetyki, problematyki, interpretacje*. Ред. Т. Walas, R. Nycz. Kraków: Universitas 2012.

4) фиксация пережитого эмигрантами, документирование жизни зарубежья во всех ее проявлениях — бытовом и идейном, личностном и групповом, эмоциональном и интеллектуальном, деятельном и организационном. Работа по увековечиванию в мемуарах, дневниках, публицистике травматической трансгрессии и ее составных²⁶ во многом, по мнению современных исследователей, велась интуитивно, отражая процессы, происходящие на подсознательном уровне; роль этих документальных свидетельств выявилась десятилетиями позже²⁷.

Значительно сложнее обстоят дела с двумя очередными волнами эмиграции — порожденной Второй мировой войной и, назовём ее условно, диссидентской 1960–1980-х годов, подпитываемой андеграундной средой. Различия в масштабности, советский опыт (Великий террор 1930-х годов, события Второй мировой войны, лагеря для военнопленных и перемещенных лиц)²⁸, а также разнородность состава²⁹ (депортированные с оккупированных территорий на принудительные работы, попавшие в плен солдаты Красной армии, беженцы, коллаборанты) не позволяют проводить простую аналогию с первой волной эмиграции. Сергей Голлербах вполне обоснованно усматривает трагическую особенность второй волны в том, что, в отличие от других эмигрантов, которые перемещались из Страны Советов на свободный Запад, ее беженцы попадали «из диктатуры коммунистической в диктатуру нацистскую»³⁰. В Мюнхене, который сразу после окончания военных действий стал неофициальной столицей русской эмиграции³¹, а также в лагерях началось обустройство эмигрантской жизни: велась благотворительность,

²⁶ См.: *Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.* Научная редакция А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. В 4 т. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, Российская политическая энциклопедия, т. 1 2003, т. 2 и 3 2004, т. 4, ч. 1 — 2005.

²⁷ См.: Е. Коган: *Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель.* «Новый Журнал» 2004, № 235 <<http://magazines.russ.ru/nj/2004/235/kog30.html>> (12.11.2014).

²⁸ Н.Д. Толстой-Милославский: *Жертвы Ялты.* Пер. с англ. Е.С. Гессен, ред. рус. пер. Ю.Г. Фельштинский. Москва: Русский путь 1996.

²⁹ «Н.С. Фрейнкман-Хрусталева и А.И. Новиков оценивают количественный состав „второй“ эмиграции в 451 561 человек, что составляло примерно 10% от числа советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за границей». А.А. Пронин: *Российская эмиграция в современной историографии.* «Международный исторический журнал» 2001, № 16 <http://www.orthedu.ru/ch_hist/hist/history-ru/286mizh-rossijskaja-eh-.htm> (23.02.2015).

³⁰ В. Синкевич: *Вторая волна русской эмиграции.* «Новый журнал» 2012, № 267 <<http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/s42-pr.html>> (22. 12. 2014).

³¹ Л. Оболенская-Флам: *Времена «диптихские»* <<http://www.rp-net.ru/book/discussion/flam.php>> (26.11.2014).

социальная работа, организовывалась система обучения, издательские дела. Людмила Оболенская-Флам подчеркивает духовное развитие молодых эмигрантов, которые открывали для себя православие, наследие дореволюционной родины и связанные с ним патриотические чувства к ней самой³². Но и в Германии, и впоследствии в США, несмотря на одаренность, литераторы, художники, ученые второй волны эмиграции не смогли создать живой культурный организм, можно сказать, растворившись (не без проблем) в первой волне. Поэтому ничего удивительного в том, что исследователи (добавлю — немногочисленные) второй волны эмиграции появились только с распадом СССР³³.

Политико-культурные причины, а вернее, условия возникновения и закономерности развития третьей волны остаются недостаточно изученными. А ведь она является результатом разочарования деятелей контркультуры, как особого андеграундно-диссидентского художественного и мыслительного пространства 1946–1985 годов. Разрозненный, искусственно разбитый, но в своей фактографической базе исключительно богатый и интересный материал, содержат работы Станислава Савицкого³⁴, Екатерины Андреевой³⁵, Михаила Айзенберга³⁶, Людмилы Алексеевой³⁷, Любовь Гуревич³⁸, Вячеслава Кулакова³⁹, Виктора Тупицына⁴⁰. Культурный андеграунд как многогранная сфера неофициального художественного пространства нуждается в полном, учитывающем взаимосвязь концепций и явлений, научном описании.

Третья волна эмиграции по своему характеру кажется прежде всего интеллектуальной. Почти все эмигранты (включая тех, кто был выдво-

³² Там же.

³³ См.: Е.И. Кузнецова: *Культура «Российского Зарубежья» «второй волны». Задачи историографии*. «Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки» 2011, № 2 <<http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-rossiyskogo-zarubezhya-vtoroy-volny-zadachi-istoriografii#ixzz3KAmbZXNG>> (26.11.2014); *В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. Сб. статей и документов*. Сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий, под общей редакцией А.В. Попова. Москва: РГГУ 1997.

³⁴ С. Савицкий: *Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы*. Москва: Новое литературное обозрение 2002.

³⁵ Е.Ю. Андреева: *Угол несоответствия. Школы нонконформизма*. Москва — Ленинград 1946–1991. Москва: Искусство XXI век 2012.

³⁶ М. Айзенберг: *Взгляд на свободного художника*. Москва: ТОО Гэндальф 1997.

³⁷ Л.М. Алексеева: *История инакомыслия в СССР: Новейший период*. Вильнюс–Москва: Весть 2001.

³⁸ Л. Гуревич: *Художники ленинградского андеграунда: Биографический словарь*. Санкт Петербург: Азбука 2007.

³⁹ В. Кулаков: *Поэзия как факт*. Москва: Новое литературное обозрение 1999.

⁴⁰ В. Тупицын: *«Другое» искусство. Беседы с художниками, критиками, философами: 1980–1995*. Москва: AD Marginem 1997; Тот же: *Коммунальный (пост)модернизм. Русское искусство второй половины XX века*. Москва: ADMarginem 1998.

рен) указывают в качестве основной причины вынужденного выезда из СССР ограничения в творческой свободе. В главных городах сосредоточения эмигрантов этой волны — Париже, Нью Йорке — создаются, по примеру «белой эмиграции», журналы, газеты, альманахи, издательства, музеи, организуются творческие встречи, симпозиумы, дискуссии, выставки. Процесс саморефлексии этой диаспоры запечатлен, в основном, в публицистике, а также в литературной и художественной критике. Первой попыткой комплексного, синтетического исследования⁴¹ неподцензурной литературы была монография Юрия Мальцева *Вольная русская литература 1955–1975*⁴², но из-за временного фактора — работа увидела свет в 1976 году — она объективно не могла содержать завершённый образ художественного достояния третьей волны эмиграции. Удалось это сделать Александру Вайлю и Петру Генису, соавторам труда *Современная русская проза*⁴³. Внимания заслуживают разделы книги, посвященные *Верному Руслану* Георгия Владимова, *Зияющим высотам* Александра Зиновьева, творчеству Андрея Синявского и Василия Аксенова, феномену Александра Солженицына. Особую ценность, на мой взгляд, представляет статья об эмигрантской периодике, в которой авторы, формируя задачи зарубежной журналистики, с некоторой горечью констатируют:

Эмигрантская периодика должна стать культурной средой для развития свободной русской литературы, осознать свои цели и найти подходящие средства. Пока она еще не пришла к этому⁴⁴.

Напомним, что Вайл и Генис знали эту проблематику изнутри: „Я думаю, мы печатались во всех журналах, которые только можно себе представить — «Континент», «Время и мы», «Эхо», «Синтаксис», «Грани» периода Георгия Владимова. В газетах...”⁴⁵, а этот длинный список пополняют «Новое русское слово», «Новый американец» и, основанный ими, еженедельник (почти 60-страничный журнал) «Семь дней», просуществовавший, правда, лишь неполный год.

Большим достижением в области саморефлексии новых эмигрантов является 5-томный труд *Антология новейшей русской поэзии у Голу-*

⁴¹ А. Wołodźko: *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji*. Warszawa: Gryf 1995, с. 13.

⁴² Ю.В. Мальцев: *Вольная русская литература 1955–1975*. Франкфурт-на-Майне: Посев 1976.

⁴³ А. Вайль, П. Генис: *Современная русская проза*. Нью-Йорк: Эрмитаж 1982.

⁴⁴ Там же, с. 139.

⁴⁵ *Доверие к потоку, или беспечный педант. Петр Вайль в беседе с Иваном Толстым*. «Звезда» 1999, № 11 <magazines.russ.ru/Звезда/n11-99/vail.htm> (3.12.2014).

бой *Лагуны*, составленный Константином Кузьминским и Григорием Ковалевым⁴⁶. Созданная в 1980 году (первый том) крупным деятелем ленинградского андеграунда, антология воскрешает (в тот исторический момент) из небытия тексты, без которых нельзя было думать и говорить о контркультуре и ее значении в советском официальном пространстве. Абсолютно прав Данило Давыдов⁴⁷, когда отмечает ее нарочито антиакадемический, антифилологический характер, доминанцию личностного начала, а также исключительно широкий объем. Для сегодняшнего исследователя, смотрящего со стороны и с определенной временной дистанции, вписанный в антологию волонтаризм, который ставится Кузьминскому в упрек, является, несомненно, ценностью, ибо доносит до нас культурную составляющую того поля — художественный по своей природе бунт.

Третьей волне эмиграции повезло с ее западными исследователями. Нельзя недооценить роль трудов Джона Глэда в США и Жоржа Нива в Европе.

Термином «эмигрантология», предложенным профессором Суханком, назван исследовательский накал, состоявшийся в среде зарубежья и утвержденный ею эмпирически. В этом заключается его систематизирующая сторона. Но более значительным кажется его моделирующий потенциал. Гуманитарная рефлексия над культурным феноменом эмиграции, предлагаемая польским ученым, выходит за пределы стандартного изучения, примером которого — хорошим и заслуживающим научного уважения — могут служить литературоведческие, а также историографические исследования польской Великой эмиграции первой половины XIX столетия. Мультидисциплинарное поле, содержащееся в «эмигрантологии», позволяет не просто суммировать исследовательский опыт разных гуманитарных дисциплин, объединенных совместным предметом изучения. На мой взгляд, оно должно стимулировать новые подходы к изучению многогранного, сложного общественного конструкта, каким является эмигрантская культура. На сегодняшний день в ее изучении доминируют литературоведческие анализы и интерпретации, сосредоточенные на отдельных произведениях и авторах, т.е. на выбранных составных литературной практики. Эту группу польских исследований открывают во многом пионерские (еще в 1981 году Анджей Дравич в нелегальном издании представлял русское зарубежье, его идеи, литературные тексты и журналы⁴⁸, а польских

⁴⁶ <kkk-bluelagoon.nm.ru> (3.12.2014).

⁴⁷ Д. Давыдов: *Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны*. «Критическая Масса» 2006, № 2 <<http://magazines.russ.ru/km/2006/2/dd19.html>> (3. 12. 2014).

⁴⁸ A. Drawicz: *Pytania o Rosję*. Warszawa: Krąg 1981.

студентов-русистов и всех желающих, как вспоминает Гжегож Пшебинда, знакомил с творчеством трех волн русской эмиграции⁴⁹) труды первой половины 1990-х годов Суханка и группы его сотрудников из Ягеллонского университета⁵⁰, а также Алиции Володзько⁵¹ (Варшавский университет), сосредоточенные на интерпретации произведений прозаиков третьей волны. Основная ценность вышеупомянутых трудов состояла в исследовательской новизне проблематики и довольно широком выборе представленных текстов и авторов, а также в высоком профессиональном уровне литературоведческого осмысления. Сегодня, 20 лет спустя, интересными кажутся их познавательные аспекты, направленные на формулирование теоретического аспекта (Влодзько), а также выявление идейных конфликтов внутри третьей эмиграции (Суханек). Научные результаты работы исследовательской группы из Ягеллонского университета значительны. Во-первых, следует отметить последовательность в реализации поставленных задач⁵², во-вторых, эта работа стала импульсом для отдельных ученых к расширенному, углубленному литературоведческому и культурологическому толкованию достояния писателей эмигрантов и нонконформистов, что нашло отражение в ряде монографических трудов. Так, Суханек писал о Солженицыне как прозаике и публицисте⁵³, об Александре Зиновьеве⁵⁴, разоблачающем сущность и воссоздающем механизм существования коммунистического строя⁵⁵ (с творчеством этого писателя Суханек знакомил польского читателя нелегальной литературы еще в 1984

⁴⁹ См.: Г. Пшебинда: *Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше*. Москва: РГГУ 2013, с. 13–17.

⁵⁰ *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*. Ред. Л. Суханек, Kraków: Universitas 1993.

⁵¹ А. Wołodźko: *Pasierbowie Rosji...*

⁵² *Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich*. Ред. Л. Суханек. Kraków: Universitas 1996; *Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych pisarzy emigracyjnych*. Ред. Л. Суханек, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1997; *Wizja człowieka i świata w myśli rosyjskiej*. Ред. Л. Суханек. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1998; *Rosja — Zachód w kontekście emigrantologii*. В кн.: *Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze*. Ред. Л. Либурская. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2007.

⁵³ L. Suchanek: *Aleksander Sołżenicyn. Pisarz i publicysta*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński 1994.

⁵⁴ L. Suchanek: *Homo sovieticus, świetlana przyszłość, gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1999.

⁵⁵ См.: Л. Суханек: *Метафора системы. О романе «Зияющие высоты» Александра Зиновьева*. В кн.: *Десять лучших русских романов XX века*: Сб. статей. Москва 2004. с. 182–201 <<http://zinoviev.info/wps/archives/20>> (15.12.2014).

году)⁵⁶, а также о писателе-скандалисте Эдуарде Лимонове⁵⁷ и неутомимом критике повседневности в тоталитарном государстве Юрии Дружникове⁵⁸. Катажина Дуда опубликовала книгу о художественной прозе, драматургии и публицистике Владимира Максимова⁵⁹; Кристина Петшицка-Бохосевич в своей монографии представила личность Георгия Владимова, его романы *Верный Руслан*, *Генерал и его армия*, а также публицистику, созданную Владимовым в эмиграции⁶⁰. Новаторство указанных работ о представителях творческой эмиграции третьей волны заключалось, может, не столько в методе, сколько в новизне исследуемого материала, а их несомненной заслугой является полнота раскрытия разрабатываемых тем. В Кракове опубликованы также три монографических труда, в которых осмыслено творчество художников, в разной степени связанных с первой волной эмиграции⁶¹. В частности, Анна Гильднер исследовала в интересном ключе поэтику пространства⁶² прозы Евгения Замятина, покинувшего СССР в начале 1930-х годов. В данном контексте уместно процитировать возражения, сформулированные Львом Аннинским в ходе участия в организованной в 2002 году научной группой Люциана Суханка конференции «Картина мира и человека в литературе и мысли российской эмиграции». Эти возражения сводятся к убеждению, что литературовед не видит потребности в поисках для интерпретации «литературы эмиграции другого подхода, нежели тот, какой работает под родными осинами»:

Замятин и Булгаков просятся за границу. Замятина Сталин выпускает, Булгакова — нет. Оба пишут непроходимые вещи; у обоих главные книги («Мы», «Мастер и Маргарита») входят в обиход русской культуры только после смягчения режима. Что может добавить к этой драме эмигрантский статус

⁵⁶ A. Zinowiew: *Rosja i Zachód*. Сост. Л. Суханек. Краков: В.О.В. 1984. Суханек является также автором вступления *Несколько слов об авторе*.

⁵⁷ L. Suchanek: *Parias i Heros. Twórczość Eduarda Limonowa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2001.

⁵⁸ L. Suchanek: *Anioły, biesy i prawda. Pisarstwo Jurija Drużnikowa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2007; *Jurij Drużnikow i emigracja rosyjska*. Ред. Л. Суханек. Kraków: Polska Akademia Umiejętności 2013.

⁵⁹ K. Duda: *Wiara i naród. Twórczość Władimira Maksimowa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2001.

⁶⁰ K. Pietrzycka-Bohosiewicz: *W poszukiwaniu autentyczności. Twórczość prozatorska Gieorgija Władimowa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1999.

⁶¹ H. Waszkielewicz: *Modernistyczny starowiec. Główne motywy prozy Aleksego Riemizowa*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński 1994; A. Dudek: *Wizja kultury w twórczości Władysława Iwanowa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2000.

⁶² A. Gildner: *Proza Jewgienija Zamiatina*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński 1993.

одного и отсутствие такого статуса у другого — кроме чисто биографического напряжения?⁶³

Побуждающее к теоретической и практической рефлексии высказывание Аннинского заставляет задуматься над пониманием литературы. В данном контексте следует обратиться к рассуждениям Рышарда Ныча, одного из авторов нашумевшей в польских литературоведческих кругах «культурной теории литературы»: в свете его концепции, эмигрантология, в отличие от трактовки Аннинского, воспринимает (или лучше сказать, должна воспринимать) литературу не как искусство слова, специальный тип языка, отображение действительности, автономный мир, требующий сосредоточенного эстетического раздумья, а как составную действительности в смысле ее продления, расширения⁶⁴. До того, как литературные тексты, запрещенные советской цензурой (роман *Мы* Замятина был запрещен в 1924 году), или громимые родной критикой, нашли свое место «в тени русских осин», они печатались в Праге, Берлине, Париже и других центрах русского зарубежья. Отчуждение Замятина в эмиграции вполне понятно, его «невостребованность» Западом, несмотря на предпринятые писателем усилия, обусловлена, прежде всего, как пишет Гильднер, неблагоприятным стечением обстоятельств — в основном, из-за бушующего в Европе и США экономического кризиса; в дальнейшем творческому развитию Замятина мешало сильно пошатнувшееся здоровье⁶⁵. Однако не следует считать подобные объяснения полностью исчерпывающими. На эту тему высказывался и Суханек в теоретико-практической статье *Славянская эмигрантология*:

Termin emigrantologia pochodzi od słów emigrant, emigracja, które semantycznie nie są jednoznaczne, ani w aspekcie polityczno-prawnym, ani egzystencjalno-antropologicznym, ani emocjonalnym. Problemem semazjologicznym są rozmaite terminy: emigrant, uciekinier, wygnaniec, tułacz, pielgrzym, bowiem w zależności od konkretnego rozumienia tych pojęć definicja emigrantologii ulega poszerzeniu bądź zwężeniu⁶⁶.

Немалое смятение в ряды эмигрантов, пишет Лори Манчестер, внесли их собственные «попытки определить критерии принадлежности

⁶³ Л. Аннинский: *Поцелуй на солнышке*. Заметки участника Международной конференции, состоявшейся в Кракове 25–27 июля 2002 г. «Дружба народов» 2002, № 10 <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/10/eh-pr.html>> (18.01.2015).

⁶⁴ R. Nycz, *KTL — wyjaśnienia i propozycje*. В кн.: *Kulturowa teoria literatury 2...*, с. 20–21.

⁶⁵ A. Gildner: *Proza Jewgienija Zamiatina...*, с. 20–22.

⁶⁶ L. Suchanek: *Słowiańska emigrantologia...*, с. 73.

к русскому зарубежью»⁶⁷, результатом чего и стало убеждение, что Замятин из-за своих политических убеждений, конечно, эмигрантом не являлся⁶⁸.

Польские русисты-литературоведы успешно исследуют наследие первой и третьей волн русской эмиграции. Особой ценностью обладают монографии, содержащие как глубокие научные обобщения, так и существенные исследовательские детали. Так, Анна Маймескулов исследовала бунинский хронотоп дороги⁶⁹, а знаток русского Серебряного века Кжиштоф Цеслик написал более широкое монографическое исследование о творчестве Ивана Бунина⁷⁰. В 1999 году по инициативе Халины Вашкелевич группа ученых еще раз обратилась к наследию этого писателя⁷¹, а три года спустя была опубликована интересная работа Гжегожа Ойцевича о бунинском поэтическом идиостиле⁷²; Ивона Облонковска-Галанцяк в своем исследовании представила публицистическую и литературную деятельность Димитра Философова⁷³ в эмиграции; Бронислав Кодзис — литературные центры зарубежья в 1918–1939 годы⁷⁴; Янина Салайчикова и Моника Сидор изучали прозу писателей-эмигрантов первой волны⁷⁵; творчество поэтов из первой волны является предметом рефлексии в работе Ивоны Ндиайе⁷⁶; Иоланта Бжикцы сосредоточилась на поэтическом наследии Ивана Бунина

⁶⁷ Л. Манчестер: *Этническая идентичность как вынужденный выбор в условиях диаспоры: парадокс сохранения и проблематизации «русскости» в мировом масштабе среди эмигрантов первой волны в период коллективизации*. Пер. с английского А. Логутова. «НЛО» 2014, № 3 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/17m.html>> (15.01.2015).

⁶⁸ Но уже в понятийное поле «русское Зарубежье» Замятина можно свободно включить. Добавочную проблему для этого термина создал распад СССР и возникшее в связи со случившимся понятие «ближнее зарубежье».

⁶⁹ А. Majmieskułow: *Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP 1982.

⁷⁰ К. Cieślík: *Iwan Bunin (1870–1953). Zarys twórczości*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe US 1998. Представляю труды польских авторов в хронологическом порядке.

⁷¹ *Иван Бунин и его время*. Ред. Х. Вашкелевич. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2001.

⁷² G. Ojcewicz: *Epitet jako cecha idiolektu pisarza. Studium literaturoznawczo-leksyko-graficzne o twórczości poetyckiej Iwana Bunina*. Katowice: Śląsk 2002.

⁷³ I. Obłąkowska-Galanciak: *Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filosofowa na emigracji*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego 2001.

⁷⁴ В. Kodzis: *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*. Мюнхен: Sagner 2002.

⁷⁵ J. Sałajczykowa: *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2003; М. Sidor: *Rosja i jej duchowość. Proza «pierwszej fali» emigracji rosyjskiej*. Lublin: Wydawnictwo KUL 2009.

⁷⁶ I. Ndiaye: *Hipertrofia: tęsknoty za utraconym domem w poezji emigrantów rosyjskich «pierwszej fali»*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego 2008.

періода еміграції⁷⁷, Іоанна М'яновска звернулася к творчеському наслідію Бориса Зайцева⁷⁸; в 2014 году Петр Митзнер опублікував книгу о інтелектуальном співробітстві Філософова с поляками (Юзеф Чапски, Ежи Стемповський и др.) в рамках варшавського кружка «Домик в Коломне»⁷⁹, в том же году увидела свет очередная книга Бжикцы — об естетической системе Владислава Ходасевича⁸⁰. Среди польских монографических исследований, посвященных литераторам третьей волны эмиграции, следует назвать труды Станислава Порембы⁸¹, Яна Трохимьяка⁸², Иоанны М'яновской⁸³, Изабелы Ковальской-Пашт⁸⁴, Анны Возняк⁸⁵, Агнешки Мальской-Лустиг⁸⁶, Петра Глушковского⁸⁷, Ельжбеты Паньковской⁸⁸, Катажины Дуды⁸⁹, Александры Зыверт⁹⁰. Особый интерес вызвало творчество Нобелевского лауреата Иосифа Бродского. Две работы о поэте и его наследии принадлежат перу Ядвиги Шимак-Рейферовой⁹¹, ранняя лирика Бродского является предметом интерпретации Моника Григель⁹²,

⁷⁷ J. Brzykcy: *Poezja emigracyjna Iwana Bunina (1920–1953)*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika 2009.

⁷⁸ J. Mianowska: *Контексты культуры русской эмиграции. Борис Зайцев — певец русского православия*. Toruń: Mado 2011.

⁷⁹ P. Mitzner: *Warszawski «Domek w Kolomnie»: rekonstrukcja*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego 2014.

⁸⁰ J. Brzykcy: *Ekstaza w świecie umiaru. O systemie estetycznym Władysława Chodasiewicza*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika 2014.

⁸¹ St. Poręba: *Aleksander Solżenicyn*. Katowice: Śląsk 1992.

⁸² J. Trochimiak: *Solżenicyn*. Warszawa: Wielka Polska 1996.

⁸³ J. Mianowska: *Aleksander Minczin — proza życia. Nieznane stronicie literatury trzeciej fali emigracji rosyjskiej*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego 2001; *Дина Рубина вчера и сегодня*. Toruń: Adam Marszałek 2003.

⁸⁴ I. Kowalska-Paszt: *Proza niefikcyjna trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Model typologiczny*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe US 2001.

⁸⁵ A. Woźniak: *Uhuda i cud. W świecie sztuki Andrieja Siniawskiego — Abrama Terca*. Lublin: Wydawnictwo KUL 2003.

⁸⁶ A. Malska-Lustig: *Ameryka oczami emigrantów rosyjskich trzeciej fali*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2004.

⁸⁷ P. Głuszkowski: *Antyrosja — historyczne wizje Aleksandra Solżenicyna. Próba polskiego odczytania*. Warszawa: Neriton 2008.

⁸⁸ E. Pańkowska: *Twórczość Władimira Wojnowicza*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku 2009.

⁸⁹ K. Duda: *Andriej Amalrik — rosyjski dysydent*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2010.

⁹⁰ A. Zywert: *Pisarstwo Władimira Wojnowicza*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 2012.

⁹¹ J. Szymak-Reiferowa: *Josif Brodski*. Katowice: Śląsk 1993; *Czytając Brodskiego*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 1998.

⁹² M. Grygiel: *Poetycki świat wartości Josifa Brodskiego. (Twórczość okresu 1957–1972)*. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego 2005.

а также Иоанны Мадлох⁹³. Ева Никадем-Малиновска представила творчество Бродского в контексте европейской культурной традиции⁹⁴, а Иоанна Тарковска исследовала способы концептуализации России и мира в его поэзии⁹⁵. Личность поэта и его наследие сопоставлялись с творчеством Чеслава Милоша в монографии Ирены Грудзинской-Гросс⁹⁶, и с творчеством Томаса Венцловы в работе Беаты Павлетко⁹⁷. Поэзия Бродского в контексте переводоведения — предмет научных и практических интересов Петра Фаста⁹⁸. Этот исследователь является также инициатором создания двух важных научных сборников, посвященных интерпретациям текстов Бродского⁹⁹, которые заслуживают особого внимания в контексте разговора о знакомстве польского читателя с литературным наследием русской эмиграции. Фаст переводил поэзию Иосифа Бродского¹⁰⁰ и прозу Юрия Дружникова¹⁰¹. В качестве переводчика Дружникова выступила и многолетний руководитель варшавской русистики Алиция Володзько¹⁰². Она перевела также воспоминания диссидента и эмигранта Анатолия Гладилина¹⁰³ и, что не

⁹³ J. Madloch: *Wczesna twórczość Josifa Brodskiego*. Katowice: Śląsk 2000.

⁹⁴ E. Nikadem-Malinowska: *Poezja i myśl. Twórczość Josifa Brodskiego jako fakt europejskiego dziedzictwa kulturowego*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego 2004.

⁹⁵ J. Tarkowska: *Konceptualizacja Rosji i świata w poezji Josifa Brodskiego: dom, miasto, ojczyzna*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2007.

⁹⁶ I. Grudzińska-Gross: *Milosz i Brodski: pole magnetyczne*. Вст. Т. Венцлова. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak 2007.

⁹⁷ B. Pawletko: *Josif Brodski i Tomas Venclova wobec emigracji*. Katowice: Śląsk 2005.

⁹⁸ P. Fast: *Spotkania z Brodskim*. Wrocław: Wirydarz 1996; *Spotkania z Brodskim: (dawne i nowe)*. Katowice: Śląsk 2000; *Poezja polska w przekładach Josifa Brodskiego/ Польская поэзия в переводах Иосифа Бродского*. Составил, обработал и дал комментарий П. Фаст. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2004.

⁹⁹ *O Brodskim. Studia, szkice, refleksje*. Ред. P. Fast. Katowice: Śląsk 1993; *Brodski w analizach i interpretacjach*. Ред. P. Fast, J. Madloch. Katowice: Śląsk 2000.

¹⁰⁰ J. Brodski: *Dla dzieci w wieku szkolnym*. В кн.: J. Brodski: *Poezje*. Сост. P. Fast. Katowice 1993, с. 19; J. Brodski: *Holandia to jest płaski kraj...* «2b». Чикаго 1995, № 5–6, с. 7; J. Brodski: *Jalcie poświęćcam*. «Opcje» 1996, № 1, с. 50–53. J. Brodski: *Poza ogrzewaniem w każdym domu...* «2B». Чикаго 1996, № 9–10, с. 153; J. Brodski: *Szelest liści z załków wydobył...* «Opcje» 1997, № 1, с. 21; J. Brodski: *Dni prują wolno szmatkę...* там же; J. Brodski: *Gdy odgradziłem się od ludzi...* там же; J. Brodski: *Ci, co nie umierają...* там же и др.

¹⁰¹ J. Drużnikow: *Tango z prezydentem i inne mikropowieści*. Katowice: Śląsk 2001; Тот же: *Wiza do przedwczoraj*. Kraków: Arcana 2003; J. Drużnikow: *Poszrzepiony żagiel miłości*. (совместно с Е. Роевской-Олеярчук). Ossa: Dom na Wsi 2005; Тот же: *Pierwszy dzień reszty życia*. Warszawa: W.A.B. 2010.

¹⁰² Тот же: *Anioły na ostrzu igielnym*. Kraków: Arcana 2001.

¹⁰³ A. Gładilin: *Ulica generałów. Próba wspomnień*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Sedno: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia 2014.

менее важно — *Мнимые величины* Николая Нарокова¹⁰⁴. Гжегож Ойцевич, в свою очередь, перевел лирику представителей первой волны эмиграции — Бориса Поплавского¹⁰⁵ и Ивана Бунина¹⁰⁶. Следует также упомянуть изданные стараниями польских русистов литературные антологии русской эмиграции¹⁰⁷.

В польских вузах (Ольштын, Познань, Варшава, Краков, Слупск, Ополе и др.) по проблематике литературы русского зарубежья проводились многочисленные конференции, а опубликованные по результатам их проведения сборники докладов обогащают литературоведческую ветвь эмигрантологии. Следует особо подчеркнуть роль Анны Возняк, расширившей рамки научного обмена знаниями за счет исследований эмигрантской белорусской и украинской литератур¹⁰⁸. В этот контекст вписаны также исследования Иоанны Чаплинской о проблематике автоидентификации в молодой эмигрантской чешской прозе после 1968 года¹⁰⁹ (добавлю, что такая проблематика впервые появилась в польской литературоведческой богемистике), Сабины Гергель о прозе сербского писателя-эмигранта Борислава Пекича¹¹⁰, а также сборник научных статей сотрудников Института славянской филологии Ягеллонского университета о западно- и южнославянских эмигрантских литературах под редакцией Целины Юды¹¹¹. Стимулом для изучения польскими

¹⁰⁴ M. Narokow: *Wielkości urojone*. Warszawa: Almapress 1994.

¹⁰⁵ B. Popławski: *Automatyczne wiersze*. Olsztyn: Borussia 2009.

¹⁰⁶ Iwan Bunin: *wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...* Ред. И. Ндиайе, Г. Ойцевич. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM 2013.

¹⁰⁷ *Pisaczeleli ruskogo zarubeżsja («третья волна» эмиграции)*. Сост. Й. Миановска. Bydgoszcz: Wydawnictwo WSP 1995; *Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej: (pierwsza i trzecia fala emigracji)*. Сост. Й. Миановска. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP 1997; *Rosyjska literatura emigracyjna w komentarzach*. Сост. Й. Миановска. Изд. 2, испр., допол. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2007; *Muza na wygnaniu: rosyjska poezja emigracyjna. Antologia*. Сост., вступ. Б. Кодзис, А. Вечорек. Т. 1: (1920–1940). Opole: Dział Wydawnictw WSP 1994. *Opальные пьесы. Antologia dramatu rosyjskiego «źle widzianego» w ZSRR w latach 1917–1985*. Сост. Б. Кодзис, В. Казак. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego 1992.

¹⁰⁸ *Literatura emigracyjna Rosjan, Ukraińców i Białorusinów*. Ред. А. Возняк, Л. Пушак. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL 2001; *Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich*. Ред. А. Возняк, М. Кавецка. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL 2002; *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku: konteksty, estetyka, recepcja*. Ред. А. Возняк. Lublin: Wydawnictwo KUL 2013.

¹⁰⁹ J. Czaplińska: *Tożsamość banity. Problematyka autoidentyfikacji w «młodej» czeskiej prozie emigracyjnej po 1968 roku*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego 2006.

¹¹⁰ S. Giergiel: *Obcość jako los. O prozie Borislava Pekicia*. Opole: Wydawnictwo UO 2008.

¹¹¹ *Słowiańskie diaspory. Studia o literaturze emigracyjnej*. Ред. Ц. Юда. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2009; См. рецензию Й. Чаплинской («Pamiętnik Słowiański» 2010, т. 60, т. 1, с. 77–81).

литературоведами-славистами новых проблемных полей является, несомненно, славянская эмигрантология, настойчиво вводимая Люцианом Суханком в научный обиход, а вышеуказанные публикации — пример реализации предложенного ученым постулата о компаративистском изучении эмигрантского литературного материала. На мой взгляд, вызывает интерес, например, сравнительный анализ автобиографических, эссеистических или документальных текстов славянских литератур. Но с учетом многоплановости, комплексного характера и изменчивости во времени предмета исследования, а также сложности его взаимодействия с внешними по отношению к нему метрополиями, культурами стран проживания эмигрантов, другими эмигрантскими художественно-культурными пространствами, необходим также интердисциплинарный подход. Возможно, научный проект трансдисциплинарной эмигрантологии будет реализован в ближайшее десятилетие.

Izabela Kowalska-Paszt

EMIGRANTOLOGIA.
WKŁAD NAUKOWO-BADAWCZY RUSYCYSTYKI POLSKIEJ

Streszczenie

Na materiale literacko-kulturowej spuścizny trzech kolejnych fal emigracji rosyjskiej XX stulecia rozpatrzono w artykule dwie funkcje, jakie zdaniem autorki, pełni pojęcie „emigrantologia”, wprowadzony przez Lucjana Suchanka do przestrzeni badawczej wychodźstwa słowiańskiego. Systematyzuje ono obszar intelektualno-naukowej samorefleksji (w tym literaturoznawczej, historiograficznej, filozoficzno-teologicznej, kulturoznawczej), jaka wypracowana została w środowisku emigracji rosyjskiej. Ponadto modeluje potrzebę prowadzenia interdyscyplinarnych, a w nieodległej przyszłości transdyscyplinarnych, studiów nad złożonym fenomenem kulturowym emigracji słowiańskich. W tym kontekście zaprezentowano także ważniejsze kierunki i osiągnięcia badawcze rusycystyki polskiej.

Izabela Kowalska-Paszt

EMIGRANTOLOGY.
CONTRIBUTION OF RUSSIAN STUDIES
IN POLAND TO SCIENCE AND RESEARCH

Summary

Based on the literary and cultural material, the article discusses two functions played by the term of emigrantology as a legacy of three waves of Russian emigration in the 20th c. The term was introduced by Lucjan Suchanek to the research space of Slavic emigration. It has systematized the area of intellectual and scientific self-reflection (including literary studies, historiography, philosophy and theology, and cultural studies), which developed in the community of Russian emigration. Additionally, the term provides modelling of the

need for interdisciplinary and in the nearest future trans-disciplinary studies on the complex cultural phenomenon of Slavic emigrations. In this particular context, the article presents major research directions and achievements of Russian studies in Poland.